

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11122

EDN: KBWRDN

Проблема мениппеи в поэтике Ф. М. Достоевского

Е. П. Литинская

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: litgenia@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется жанр мениппеи: возникновение, развитие, основные особенности. Цель исследования — прояснить суть проблемы, которая в основе своей имеет терминологическую ошибку. В статье приводятся мнения И. В. Помяловского, М. М. Бахтина, В. Махлина, Р. Б. Щегина, признающих разновидность периферийного жанра древнегреческой и латинской литературы общетеоретическим понятием, используемым при анализе не только античных текстов, но и позднейших произведений, в том числе Ф. М. Достоевского. Противоположного мнения придерживаются М. Л. Гаспаров, В. Б. Шкловский, Е. М. Мелетинский, Н. И. Брагинская, отказывающие мениппее в самостоятельном статусе. Критике подвергается расширенное использование термина, включение понятия «мениппея» в круг «историко-литературных универсалий», «историко-культурных категорий», в первую очередь оспаривается его метафорическое значение. Черты мениппеи, «мениппейное начало», «элементы мениппеи» (стихотворные вставки, пародия, насмешка, мотив соглядатая и др.) в их взаимосвязи присутствуют в произведениях Достоевского и выполняют существенную структуро- и смыслообразующую функцию. Античная традиция переосмысливается в русле православной философии. Обращение к мениппее как «межжанровому явлению» позволяет художественно представить отношения героя и мира, героя и автора.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. М. Бахтин, жанр, мениппея, «мениппейное начало», роман

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

Для цитирования: Литинская Е. П. Проблема мениппеи в поэтике Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 101–121. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11122. EDN: KBWRDN

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11122

EDN: KBWRDN

The Menippea Problem in F. M. Dostoevsky's Poetics

Evgeniya P. Litinskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: litgenia@yandex.ru

Abstract. The article explores the menippea genre: its origin, development, and main features. The purpose of the study is to clarify the essence of the problem, which is based on an intrinsic terminological error. The article presents the opinions of I. V. Pomyalovsky, M. M. Bakhtin, V. Makhlina, and R. B. Shchetinin, who recognize this peripheral genre of ancient Greek and Latin literature as a general theoretical concept used in the analysis of both ancient texts and later works, including those by F. M. Dostoevsky. The opposite opinion is held by M. L. Gasparov, V. B. Shklovsky, E. M. Meletinsky, and N. I. Braginskaya, who deny menippea an independent status. The expanded use of the term, the inclusion of the concept of “menippea” in the circle of “historical and literary universals,” “historical and cultural categories” is criticized; first and foremost, its metaphorical meaning is disputed. Features of the menippea, “menippeal origin,” “elements of the menippea” (poetic inserts, parody, mockery, the spy motif of the spy, etc.) and their interrelations are present in Dostoevsky's works and perform an essential structural and semantic function. The ancient tradition is being reinterpreted in line with Orthodox philosophy. The appeal to menippea as an “inter-genre phenomenon” allows us to artistically represent the relationship between the hero and the world, and the hero and the author.

Keywords: F. M. Dostoevsky, M. M. Bakhtin, genre, menippea, “menippean beginning”, novel

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-18-00423 (<https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

For citation: Litinskaya E. P. The Menippea Problem in F. M. Dostoevsky's Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 3, pp. 101–121. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11122. EDN: KBWRDN (In Russ.)

Несмотря на долгую историю своего существования от античности до Нового времени и современности, жанр мениппеи не имеет точного определения и вызывает много споров. И. В. Помяловский [Помяловский], В. С. Дуров [Дуров], Л. Д. Тарасов [Тарасов], М. Бахтин [Бахтин], В. Махлин [Махлин], Н. D. Weinbrot [Weinbrot], Р. Б. Щетинин [Щетинин, 2009] и др. признают мениппею жанром античной и западноевропейской литературы, рассматривая термин в рамках исторической поэтики. Однако существует и противоположное мнение, принадлежащее М. Гаспарову [Гаспаров, 2002, 2004], В. Шкловскому [Шкловский], Н. Брагинской [Брагинская, 2004, 2007] и др., которые не признают мениппею жанром.

Жанр связан с именем Мениппа, греческого философа-киника III в. до н. э., сочинения которого сохранились лишь в заголовках. Известно, что произведения Мениппа отличало свободное сочетание стихов и прозы, а по определению Страбона, они относились к жанру σπουδοῦέλοιοι («серьезно-смешное») [Помяловский: 174], содержали и пародии (в том числе литературные — на эпос Гомера, трагедии), и насмешки (в первую очередь осмеяние философских доктрин).

Возникновение мениппеи в эпоху эллинизма неслучайно. Кризис классической античной культуры, когда человек считался частью общественной системы, наследующей традиции рода, и обращение к конкретному индивиду, внимание к его внутреннему миру, состоящему из противоречий, — предмет для размышлений эллинистической интеллигенции, философов-проповедников, риториков, учителей словесности. Литература этого времени обращается к индивидуальности, на смену эпическим формам приходят малые, в том числе диалогические (диатриба, сократический диалог, солилоквиум, симпосий). Классическая мениппея как «открытый», подвижный жанр вошла в раннехристианскую литературу. Обращенность античности к «человеку внешнему» трансформируется в диалог с личностью, «человеком внутренним» [Пискунова: 276]. Новые тексты по типу «Исповеди» Августина «соединили в себе четыре до тех пор отдельных жанра: жанр мениппеи, жанр трагедии, жанр философского изложения и жанр христианского религиозного обращения (исповедь, молитва и т. п.)» [Сегал].

Человек, преисполненный антиномиями, нуждающийся в собеседнике, — литературный герой Нового времени.

В римской литературе термин «*satura menippea*» — «мениппова сатура» впервые используется в I в. до н. э. римским ученым Марком Теренцием Варроном Реатинским, которому принадлежит философско-нравственное сочинение из 150 книг (до нас дошло 90 названий и 591 фрагмент) — «*Saturae menippeae*». Согласно Цицерону, Варрон сказал о своей литературной деятельности следующее: «И, однако, в тех старинных моих сочинениях, которые, подражая Мениппу, но, не переводя его, я перемешал с известною долей веселости, много примешано из внутренних областей философии, многое сказано диалектически; это сделал я с тем намерением, чтобы люди, не так ученые, понимали их легче, будучи приманиваемы к чтению как бы удовольствием; я имел также намерение писать с философским оттенком в похвальных словах и даже в самих предисловиях к древностям, не знаю только, достиг ли я этого» (цит. по: [Помяловский: 161]).

В. С. Дуров отмечает, что «кинизм Мениппа стал для Варрона литературным приемом, удобным не только для высмеивания различных философских школ и догматов, но и для порицания нравственных пороков общества и проповеди положительного идеала, каким представлялась Варрону жизнь предков» [Дуров: 196].

Необходимо уточнить, какое содержание вкладывали римляне в слово «сатира». Исконной формой является *satura* (прилагательное женского рода от *satur* — сытый, насыщенный, обильный [Дворецкий: 901]) — производное от *lanx satura* — блюдо, наполненное всякими плодами, которое вносилось в храм Цереры, богини плодородия. Лексема приобрела переносное значение: смесь, всякая всячина: *per saturam* — в беспорядке, вперемешку, без плана [Дворецкий: 902].

Satira — латинизированная версия, которая «возникла, очевидно, в позднее время из написания на греческий лад — *satyra*, когда в силу известной грекомании слово *satura* выводили из греческого *σάτυρος*. Слово “сатура” исконно римское, а наиболее ясное его толкование имеется у Павла Диакона (ученого времен Карла Великого) в его сокращении словаря

Феста, пользовавшегося, в свою очередь, антикварным словарем Веррия Флакка, современника императора Августа: «Сатурой называется род кушанья, изготовленного из разных вещей, закон, составленный из многих других законов, и род стихотворения, в котором идет речь о многих вещах» [Петровский].

Термин «сатира» впервые был использован римским поэтом Квинтом Эннием (239–169 гг. до н. э.). Свой сборник он назвал «Saturna», в него входили отдельные стихотворения, различные по содержанию и метрической структуре, но имевшие единую цель — выражение личного авторского мнения. Позднее сатирами стали называться самостоятельные стихотворные тексты. Римский поэт Гай Луцилий в построенном по аналогичному принципу сборнике соединил стихотворения поучительного содержания с текстами, имеющими полемически-критический оттенок [Словарь античности: 510–511]. Историк Тит Ливий в книге VII своей «Истории от основания города» («Ab urbe condita») отмечает характерное присутствие драматического элемента в древней сатуре, сохранившегося и у Варрона (подробнее см.: [Щетинин, 2009: 86]).

Итак, в античной литературной традиции выделяют сатиру по образцу текстов Луцилия и сатиру Варрона (как подражание Мениппу) (см. подробнее: [Помяловский: 169]). К этой последней разновидности литературных произведений, кроме текстов Мениппа и самого Варрона, относят произведения писателей-киников — Антисфена, Гераклида Понтика, Кратета, Биона Борисфенита, Монима. В этом же жанре созданы «Отыквление» Сенеки, «Сатирикон» Петрония, «Осел» Лукиана.

И. В. Помяловский — автор обобщающей работы «Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатура» (1869) — при определении жанра произведений римского автора использует термины «мениппова сатура» (в заглавии), «мениппея» и «мениппейская сатура»: «Одним из данных для сличения будут отрывки Мениппей Варрона» [Помяловский: 185]. «Так Геллий, пользовавшийся, как мы видели, Мениппейскими сатурами Варрона непосредственно, говорит, что Марк Теренций соперничал в своих сатурах с Мениппом» [Помяловский: 184]. И. В. Помяловский выделяет следующие черты

жанра: разнообразное метрическое воплощение, смешение прозы и поэзии, латинского и греческого языков, отсутствие личного компонента, представление пороков в обобщенном виде и юмористически-веселое содержание [Помяловский: 162–164].

В отечественном литературоведении закрепилось использование именно термина «мениппова сатира». Однако, как отмечает Р. Щетинин, это понятие нельзя считать удачным, поскольку «сатира — это дальнейшее развитие жанра сатуры, и она уже не содержит смешения стихов и прозы, что и определяет само название жанра...» [Щетинин, 2009: 86].

Исследуя тексты Мениппа, Варрона, Лукиана, Р. Щетинин называет жанровыми чертами античной менипповой сатиры следующие: смешанная форма, состоящая из стихов и прозы; насмешка (*παίγνιον*), как правило, имеющая дидактическую цель, направленная против догматизма философских учений и людских страстей; рассуждения о нравственности, счастливой жизни; показ отрицательных сторон человеческой жизни; мотив *κατάσκοπος* (соглядатай) — наблюдатель человеческих дел обозревает их с какой-нибудь необычной точки зрения, например, с высоты, при которой меняются все масштабы; двойное название, например, использование греческого языка во второй части названия; употребление латинских и греческих пословиц в качестве заглавий; присутствие двойника; обращение к слушателю и читателю от лица автора; пародия [Щетинин, 2009].

Большинство из перечисленных признаков античного жанра приводит и М. М. Бахтин, являясь автором термина мениппея — неологизма, введенного в научный обиход во втором издании книги «Проблемы поэтики Достоевского» (1963): «...в дальнейшем мы будем называть “Мениппову сатиру” просто м е н и п п е й» [Бахтин, т. 6: 128].

М. Бахтин выделяет элементы менипповой сатиры в творчестве писателя при анализе «фантастических рассказов» «Бобок», «Сон смешного человека», «Кроткая», а также «Записок из подполья» и рассказа «Скверный анекдот» [Бахтин, т. 6: 155–174]. Источниками мениппеи исследователь называет раннехристианскую литературу (исповедь, проповедь, житие, Евангелия), не исключая, однако, опору на классические

античные образцы: «Менипп, или Путешествие в загробное царство» Лукиана, «Отыквление» Сенеки, «Сатирикон» Петрония, «Золотой осел» Апулея, сатиры Варрона. Исторические границы жанра исследователь расширяет до таких произведений, как «Герои романа» Буало, «Боги, герои и Виланд» Гете, «диалоги мертвых» Фенелона и Фонтенеля, мениппеи Дидро, Вольтера, Гофмана, Э. По [Бахтин, т. 6: 160–162]. Особо отмечаются античные жанры «сонной сатиры» и «фантастического путешествия», которые развиваются в «сонных видениях» средневековой литературы, в гротескных сатирах XVI–XVII вв., у романтиков в сказочно-символическом ключе (Г. Гейне и др.), в реалистических романах в психологическом и социально-утопическом использовании (Ж. Санд, Чернышевский), в вариации кризисных снов в драматургии Шекспира, Кальдерона и Грильпарцера [Бахтин, т. 6: 166–167].

Наряду с употреблением термина «мениппея», частотным у Бахтина оказываются понятия «элементы мениппеи», «мениппейное начало», компонентами которых являются: «особый карнавальный (в широком смысле этого слова) характер смешового элемента»; «исключительная свобода сюжетного и философского вымысла»; «создание исключительных ситуаций для провоцирования и испытания философской идеи — слова, правды, воплощенной в образе мудреца, искателя этой правды»; сочетание свободной фантастики, символики и мистико-религиозного элемента с трущобным натурализмом; постановка «последних вопросов»; «трехплановое построение: действие и диалогические синкризы переносятся с Земли на Олимп и в преисподнюю»; особый тип экспериментирующей фантастики; морально-психологическое экспериментирование: изображение необычных и ненормальных состояний человека (безумие, необычные сны, необузданная мечтательность и т. п.); скандал и эксцентрика; резкие контрасты и оксюморонные сочетания; элементы социальной утопии; использование вставных жанров, смешение прозы и стихов; многостильность и многотонность; злободневная публицистичность, фельетонность [Бахтин, т. 6: 128–134].

Данные черты в их взаимосвязи становятся теоретическим основанием для выделения в различных литературных

произведениях «мениппейного начала», которое выполняет существенную структурообразующую и смыслообразующую функцию.

Широкие границы мениппеи мотивированы бахтинской концепцией «памяти жанра»: «Никогда новый жанр, рождаясь на свет, не отменяет и не заменяет никаких ранее уже существовавших жанров. Всякий новый жанр только дополняет старые, только расширяет круг уже существующих жанров. Ведь каждый жанр имеет свою преимущественную сферу бытия, по отношению к которой он незаменим. <...> Итак, ни один новый художественный жанр не упраздняет и не заменяет старых. Но в то же время каждый существенный и значительный новый жанр, однажды появившись, оказывает воздействие на весь круг старых жанров: новый жанр делает старые жанры, так сказать, более сознательными; он заставляет их лучше осознать свои возможности и свои границы, то есть преодолевать свою н а и в н о с т ь. <...> Воздействие новых жанров на старые в большинстве случаев содействует их обновлению и обогащению» [Бахтин, т. 6: 298–299].

В. Л. Махлин указывает на «становящуюся» историчность мениппеи: жанр обращен не столько в прошлое, сколько в будущее [Махлин: 525]. Подобного мнения придерживается С. Пискунова: «мениппея — жанр, открытый будущему» [Пискунова: 292]. Р. Лахманн отмечает, что мениппея «откачивается от замкнутости и структурной чистоты традиционных жанров в пользу их гибридности и пограничности» [Лахманн: 13]. Ю. Кристева в рамках диалогического дискурса соотносит роман с понятием мениппеи [Кристева: 452].

Взгляд М. Бахтина на мениппею как на полноценный жанр античной поэтики оспаривался В. Б. Шкловским, Е. М. Мелетинским, С. С. Аверинцевым, М. Л. Гаспаровым, Н. И. Брагинской. Приведем эти мнения.

В. Б. Шкловский отмечал: «Термин “мениппея” понадобился Бахтину в силу новости и неопределенности» [Шкловский: 444].

Е. М. Мелетинский критиковал позицию Бахтина: «...сам первоначальный генезис жанра романа, и его главная жанровая специфика предстают несколько деформированными. <...>

“Мениппенность” и “карнавальность” не субстанциональные свойства романа, а жанровые привнесения, стимулировавшие его развитие, в особенности переход от “высоких” форм к “низким” и от “низких” к “синтетическим” в переломные моменты истории романа» [Мелетинский: 128–129].

С. С. Аверинцев полагал, что «термин “мениппея” <...> наиболее плодотворен как метафора. Его исторически верифицируемое содержание исчезающе мало, богаты лишь его побочные, ассоциативные коннотации» [Аверинцев: 201].

М. Л. Гаспаров называет мениппею небывалым жанром античной литературы, «сочиненным» Бахтиным, «в конечном счете мениппея становится просто условным оценочным названием всего, что нравится лично Бахтину, что он считает хорошим и важным» [Гаспаров, 2004].

Н. И. Брагинская оценивает концепцию Бахтина так: «Мне всегда казалось, что “мениппея” ничего не дает для понимания Достоевского» [Брагинская, 2004: 67], — ссылаясь при этом на мнение К. Эмерсон, известной переводчицы М. М. Бахтина на английский язык и автора книг о нем: «Я думаю, никто не станет спорить с тем, что оно <изложение истории серьезно-смешного> интересно, но все же это только добавление. Оно много теряет по сравнению с мощными идеями полифонии и двуголосья и само по себе не порождает глубокой интерпретации, не открывает ничего существенного в Достоевском» [Эмерсон, 1996: 71], (см. также: [Эмерсон, 2006]).

Трудно не согласиться с приведенными оценками и аргументами. Как видим, критике подвергается расширенное использование термина, а также включение понятия «мениппея» в круг «историко-литературных универсалий», «историко-культурных категорий», в первую очередь оспаривается его метафорическое значение.

Н. Автономова характеризует мениппею Бахтина, как и роман, термином архипонятие [Автономова: 116] и уточняет, что «для Бахтина мениппея — морфологически значимая клетка, позволяющая в романе понять то, что он считает самым главным, — динамику и незавершенность и литературного, и жизненного процесса. Бахтинская мениппея делает это лучше, чем какие угодно другие жанры и формы. Однако эта

хрупкая конструкция “из осколков фактов” выходит из берегов, когда становится, по сути, критерием восприятия других жанров и других произведений в реальном литературном процессе: такая мифотворческая расширенность и представляется мне крайне спорной» [«Открытая структура»: 40].

С. И. Пискунова предполагает, что «мениппея для Бахтина — это имя-маска, заслоняющее грубой телесностью петрониевых и лукиановых сатир смиренный факт рождения христианской духовности и явление Нового Слова» [Пискунова: 270, 271].

Н. Тamarченко видит истоки литературоведческого конфликта в фрагментарности научного наследия М. М. Бахтина, выдвигает «тезис об отсутствии в его <М. Бахтина> научном творчестве внутренней цельности и единства» [Тамарченко: 327] и подчеркивает необходимость систематического анализа идей ученого.

Изучение архивных материалов М. Бахтина свидетельствуют о том, что впервые он обращается к понятию мениппеи еще в 1940-х гг. (часть статьи о сатире для не вышедшей «Литературной энциклопедии»: «...менее определенный смешанный (с преобладанием прозы) чисто диалогический жанр, возникший в эллинистическую эпоху в форме философской диатрибы (Бион, Телет), преобразованный и оформленный циником Мениппом (III в. до н. э.) и названный по его имени “менипповой сатирой”; эта форма сатиры непосредственно подготовила важнейшую разновидность европейского романа, представленную на античной почве “Сатириконом” Петрония и отчасти “Золотым ослом” Апулея, а в Новое время — романами Рабле (“Таргантюа и Пантагрюэль”) и Сервантеса (“Дон Кихот”))» [Бахтин, т. 5: 11]) и позднее в 1960-х гг. [Попова: 84].

Попытку систематизации терминологии Бахтина предпринимает И. Попова [Попова: 103–104]. Исследовательница приводит неопубликованные при жизни Бахтина фрагменты 1940-х и 1960-х гг., уточняющие взгляд ученого. Приведем наиболее значимые.

- «Мениппова сатира и здесь оказывается ведущей к первофеномену роману. Термин “мениппова сатира” так же условен и случаен, так же несет на себе случайную

- печать одного из второстепенных моментов истории, так и термин “роман” для романа» [Бахтин, т. 5: 82].
- Термин «так же условлен и случаен, как и термин “роман”. Существовавшая до Мениппа и не всегда сатира, она связана с судьбой Мениппа, от которого как раз и не дошло ни одной строчки. Область серьезно-смехового. Она родственна всем жанрам этой обширной области, но особенно жанру сократического диалога, но неправильно считать эту форму продуктом разложения сократического диалога. Прежде всего общая грубая характеристика всей области серьезно-смешного. Сатурнализация и последующая карнавализация мениппеи (в средние века и в эпоху Возрождения). Сложная система взаимовлияний и просачиваний с другими жанрами» [Бахтин, т. 4 (1): 746–747].
 - «Правда, сам Достоевский ни здесь, ни где-либо в другом месте никогда не употребляет этого несколько ученого жанрового термина “мениппова сатира”. В русской литературе он вообще был не в ходу. Но в европейских литературах начиная с 16^{<го>} века и до 19^{<го>} в<ека> (особенно в 17^{<ом>} и 19^{<ом>} веках) он встречался довольно часто наряду с термином “лукиановский диалог” и более узким “диалог мертвых”. Сам Достоевский пользовался широким и неопределенным термином “фантастический рассказ”. Но дело не в термине, а в жанре» [Бахтин, т. 6: 361].
 - «Об ироническом употреблении модных терминов (модель, моделирование и т. п.) и вообще терминов. Определенность термина (и его устойчивость и однозначность) может быть только функциональной и только в системе. Где такой системы нет (в литературоведении), определенность и однозначность изолированного, отдельного термина превращает его в тот лежачий камень, под который вода не течет, живая вода мысли. Это касается всех дисциплин, кроме лингвистики структурного типа» [Бахтин, т. 5: 377] (наброски теории термина).

М. Бахтин напрямую не называет мениппею жанром, хотя из его рассуждений это очевидно. Жанр «как чистая дефиниция» [Попова: 106] классической поэтики не привлекал

исследователя. М. В. Заваркина обращает внимание на то, что М. М. Бахтин еще в 1920-е гг. «пишет больше о жанровой форме (хотя и содержательной по своей сути), чем о жанре как категории поэтики» [Заваркина: 14].

Свои разыскания в области мениппеи М. Бахтин видел в двух направлениях: «Две линии развития менипповой сатиры; одна из них — однотонно-оксюморонная — завершается Достоевским» [Бахтин, т. 4 (1): 682]; «Общая характеристика мениппеи и более подробное изучение тех двух линий ее развития (вообще был целый пучок таких линий), которые у нас представлены Гоголем, с одной стороны, и Достоевским, с другой, — церковно-проповедническая и цирково-балаганная» [Бахтин, т. 4 (1): 746].

Поставленные задачи не были реализованы Бахтиным. Как кажется, критика неоформленной концепции не может считаться полноправной. Неуниверсальность понятия осознавал и сам автор, используя, повторимся, терминологические варианты «мениппейное начало», «элементы мениппеи».

Мениппея играет важную структурно-семантическую роль в произведениях Ф. М. Достоевского. Элементы мениппеи вплетаются в повествование и дают автору возможность популярно донести до читателя глубокие философские идеи. В чистом (античном) виде мениппеи у Достоевского не встречаются, но признаки этого жанра мы можем указать.

М. М. Бахтин выделяет в романном наследии Достоевского «почти завершенную христианизованную мениппею» [Бахтин, т. 6: 175] — сцена чтения Евангелия Сони и Раскольникова. Мениппеями исследователь называет исповеди героев: Ипполита («Мое необходимое объяснение») в романе «Идиот» и Ставрогина в романе «Бесы», а также беседу Ивана и Алеши в трактате в романе «Братья Карамазовы», поэму «Великий инквизитор» [Бахтин, т. 6: 175]. Сны Раскольникова, сон Свидригайлова в «Преступлении и наказании», сон Версилова в «Подростке» также мениппеи, с точки зрения Бахтина [Бахтин, т. 6: 175].

Линию Бахтина продолжают современные исследователи творчества Достоевского. Р. Б. Щетинин, анализируя сцену именин Настасьи Филипповны из романа «Идиот», делает

вывод об актуализации в ней характерных признаков мениппеи (по Бахтину) и указывает на новаторство Достоевского: усложнение ситуации мениппеи за счет отсутствия детерминированности сюжетом (непредсказуемость выбора Настасьи Филипповны); использование и трансформация приема экспериментирующей фантастики в сцене пети-жэ (расширение пространственно-временных рамок и раскрытие внутреннего мира героев через внешний) [Щетинин, 2002]. Е. В. Лескова выделяет мениппейные черты во вставных историях Достоевского: «“Великий Инквизитор” представляет собой синтетический жанр, объединяющий притчевую иносказательность с мениппейностью» [Лескова: 115].

К элементам античной мениппеи могут быть отнесены стихотворные вставки, многие из которых «имеют сюжетную проекцию в фабуле романа» [Креницын, 2017: 115]: комические стихотворения, шуточные и пародийные тексты, сочиненные, в том числе, самим Достоевским, стихотворные реминисценции А. Пушкина, Ф. Шиллера, Н. Некрасова, произносимые героями. «Комические и романтические стихи у Достоевского сходятся в идеологической функции и могут свободно переходить из одного типа в другой: возвышенный романтический пафос тут же, чуть ли не в самый момент его звучания, осмеивается, а, казалось, комические до бессмыслицы стихи отсылают к центральным идеям романа и приобретают глубокий аллегорический смысл» [Креницын, 2017: 92]. Так, баллада Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» в романе «Идиот» спроецирована на образ князя Мышкина (пророчество о безумии, платоническая влюбленность, служение идеалу) [Креницын, 2001].

Важный компонент античной мениппеи — пародия. Менипп пародирует знаменитых поэтов, среди которых Гомер, Еврипид. У Варрона известны пародии на Энния, Луцилия, Плавта, Пакувия, а также на греческих авторов, в том числе на Аристотеля, Менандра, Мнисифея, Скантия [Щетинин, 2009: 93]. Отметим особо пародии Достоевского в стихотворной форме, в которых мы видим классическую основу. Так, в романе «Бесы» стихотворение «Светлая личность» — не только «комическое опровержение агитационного “мифа”» [Креницын, 2017: 83], поскольку это сочиненная Достоевским пародия

на стихотворение Н. Огарева «Студент», но и проекция на фигуру Петра Верховенского. Шуточное стихотворение «Жил на свете таракан...» капитана Лебядкина — бездарная пародия на басни XVIII в. «Образ таракана аллегорически описывает “подпольный” тип (“таракан от детства”), ибо капитан Лебядкин подразумевает под ним самого себя, с двумя характеристическими доминантами: “трагической” судьбой и “шутовской” линией поведения» [Криницын, 2017: 91].

Античные авторы использовали насмешку в своих произведениях с разными намерениями: «...у Мениппа насмешка составляла сама по себе цель, у Варрона же ею прикрывалась другая, более благородная — цель дидактическая» [Помяловский: 188]. Предполагаем, что у Достоевского мотив «онтологической насмешки», впервые описанный Б. Н. Тихомировым [Тихомиров] на материале романов «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» и «Дневника Писателя», является развитием античного образца. Достоевский использует мотив насмешки, рядом с «христологической проблематикой» [Тихомиров: 73], углубляя философско-религиозное содержание романов.

Мотив соглядатая — характерный признак античной мениппеи. Так, герои Лукиана («Икароменипп») и Варрона («Эндимион») рассматривают землю с луны (подробнее см.: [Дуров: 194]). Необычный ракурс трансформирует масштаб происходящего. Если в античном тексте расширяются границы внешние, то у Достоевского подглядывающий и подслушивающий герой выходит за пределы своих возможностей, нарушаются границы внутренние: «...герой, случайно ставший свидетелем скрываемого события, познает оборотную сторону бытия, инобытие, имеющее хтоническую природу. Зачастую, не выдержав этого знания, герой погибает, так как проникновение в священные тайны первотворения наказывается с логикой неизбежности» [Зелянская: 107]. Так, подслушивание Свидригайловым разговора Сони и Раскольникова символично передает приобретение Свидригайловым власти над Раскольниковым.

Варрон в своих текстах обращается к слушателю и читателю от лица автора: «...“orede mihi” (“верь мне”), “non vides?” (“разве ты не видишь?”) и др. Есть сатуры, в которых Варрон

сам выступает в качестве действующего лица, например в “Sexagessis” (“Шестьдесят ассов”), “Bimarcus” («Двойной Марк»), “Parmeno” (“Равный Менону»)» [Дуров: 194]. Как известно, подобная нарративная тактика является одной из ведущих у Достоевского: «В произведениях Достоевского самые ключевые места текста будут обозначаться словами “сказал непонятно зачем”, “почему-то сказал” и т. п., за которыми как раз и следуют слова, не имеющие ни причины, ни цели в дискурсе и потому всецело переводящие нас в область, в которой существует авторская позиция» [Касаткина: 152].

При очевидном присутствии элементов мениппеи существует важный, отличающий тексты Достоевского компонент, на который указал Д. Сегал: «Мениппея Достоевского всегда содержит то, что можно назвать “слезным моментом”, который возникает, когда реальная сюжетная или воображаемая коллизия рождает чувства боли, жалости, горечи, сострадания либо по отношению к герою или одному из персонажей, либо в связи с сильным экзистенциальным переживанием» [Сегал]. В текстах Достоевского античная традиция переосмысливается в русле православной философии. Обращение к мениппее как «межжанровому явлению» позволяет художественно представить отношения героя и мира, героя и автора [Попова: 107].

Как известно, новый роман Достоевского «был синтезом самых разнообразных художественных и нехудожественных жанров — “полем” их самого активного взаимодействия. Это со всей очевидностью проявилось в традиционных аспектах жанрового содержания, в многозначности жанровых форм, в энциклопедичности жанровой структуры его романов, особенно поздних» [Захаров: 170]. Достоевский ломает рамки классического романа, интуитивно используя, наряду с иными жанрами, такую особенность менипповой сатиры, как смешение, оксюморонность и парадоксальность в широком смысле, что является неременным условием развития литературы.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 191–219.

2. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 503 с.
3. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2008. Т. 4 (1). 1119 с.; 1996. Т. 5. 731 с.; 2002. Т. 6. 799 с.
4. Брагинская Н. Славянское возрождение античности // Русская теория: 1920–1930-е годы. М.: РГГУ, 2004. С. 49–80.
5. Брагинская Н. В. Эзоп — служитель Муз, или Ошибка бога // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти В. Н. Торопова. М.: Индрик, 2007. С. 98–152.
6. Гаспаров М. Л. М. М. Бахтин в русской культуре XX века // Михаил Бахтин: pro et contra: в 2 т. СПб.: Изд-во Христианского Гуманитарного Института, 2002. Т. 2. С. 33–36.
7. Гаспаров М. Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: мат-лы Междунар. науч. конф. 10–11 ноября 2004 г. М.: МГУ, 2004. С. 8–10 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.rsu.ru/article.html?id=54924> (20.03.2022).
8. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
9. Дуров В. С. Жанр мениппеи в творчестве Варрона-сатирика // Традиции и новаторство в античной литературе: межвузов. сб.: *Philologia classica*. Л., 1982. Вып. 2. С. 187–199.
10. Заваркина М. В. Жанр как категория поэтики (проблемы, тенденции, перспективы) // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 7–35 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582887863.pdf (20.03.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7562
11. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: ЛГУ, 1985. 208 с.
12. Зелянская Н. Л. Ситуация подсматривания в творчестве Ф. М. Достоевского 1840-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. Филология. 2009. № 2 (62). С. 105–111.
13. Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
14. Криницын А. Б. О специфике визуального мира и семантике видений в романе Достоевского «Идиот» // Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека: к антропологии Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 300–335.
15. Криницын А. Б. Сюжетология романов Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2017. 456 с.
16. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427–457.
17. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М.: НЛО, 2009. 384 с.

18. Лескова Е. В. Жанровая специфика притчи и мениппеи в романах Ф. Кафки «Процесс» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 114–118.
19. Махлин В. Мениппея // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стб. 525–529.
20. Мелегинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 320 с.
21. «Открытая структура» в контексте междисциплинарности. Обсуждение книги Н. Автономовой (Круглый стол) // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 5–42.
22. Петровский Ф. Определение сатуры как литературного жанра // Симпозиум Συμπόσιον [Электронный ресурс]. URL: <http://simposium.ru/ru/node/11552> (20.03.2022).
23. Пискунова С. Мениппея: до и после романа // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 267–292.
24. Помяловский И. В. Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатура. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1869. 315 с.
25. Попова И. «Мениппова сатира» как термин Бахтина // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 83–107.
26. Сегал Д. Вагинов и Достоевский: к постановке проблемы // «Зеркало» — литературно-художественный журнал. 2020. № 56 [Электронный ресурс]. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=12733> (20.03.2022).
27. Словарь античности / пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
28. Тамарченко Н. Д. Поэтика Бахтина и современная рецепция его творчества // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 291–340.
29. Тарасов Л. Д. М. Т. Варрон Реатинский как сатирик // Труды Томского государственного университета. Сер. Филология. Томск: Томский гос. ун-т, 1957. Т. 139: 5-я науч. конф. Том. гос. ун-та, посвященная 350-летию г. Томска. Секция литературоведения. С. 281–315.
30. Тихомиров Б. Н. Кто же так смеется над человеком? (Мотив «онтологической насмешки» в творчестве Достоевского) // Dostoevsky Studies. New Series. 2013. Vol. 17. Pp. 73–97.
31. Шкловский В. Б. Тетива: о несходстве сходного. Франсуа Рабле и книга М. Бахтина // М. М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли: антология: в 2 т. СПб.: РХГИ, 2001. Т. 1. С. 413–447.
32. Щетинин Р. Б. Традиции мениппеи в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Идиот» как отражение античной картины мира // Картина мира: модели, методы, концепты. Томск, 2002. С. 296–300.
33. Щетинин Р. Б. Жанровые особенности мениппеи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3 (7). С. 84–93.
34. Эмерсон К. Столетний Бахтин в англоязычном мире глазами переводчика // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 68–81.
35. Эмерсон К. Двадцать пять лет спустя: Гаспаров о Бахтине // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 12–47.

36. Weinbrot Howard D. *Menippean Satire Reconsidered: From Antiquity to the Eighteenth Century*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2005. 375 p.

References

1. Averintsev S. S. Genre as Abstraction and Genres as Reality: The Dialectics of Closure and Openness. In: *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii [Rhetoric and the Origins of the European Literary Tradition]*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, pp. 191–219. (In Russ.)
2. Avtonomova N. S. *Otkrytaya struktura: Yakobson — Bakhtin — Lotman — Gasparov [Open Structure: Jacobson — Bakhtin — Lotman — Gasparov]*. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2009. 503 p. (In Russ.)
3. Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh [Collected Works: in 7 Vols]*. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2008, vol. 4 (1). 1119 p.; 1996, vol. 5. 731 p.; 2002, vol. 6. 799 p. (In Russ.)
4. Braginskaya N. Slavonic Revival of Antiquity. In: *Russkaya teoriya: 1920–1930-e gody [Russian Theory: 1920–1930s]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2004, pp. 49–80. (In Russ.)
5. Braginskaya N. V. Aesopus — Attendant of the Muses or a God's Mistake. In: *Vostok i Zapad v balkanskoy kartine mira. Pamyati V. N. Toropova [East and West in the Balkanian World Picture. Studies in Memory of V. N. Toporov]*. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 98–152. (In Russ.)
6. Gasparov M. L. M. M. Bakhtin in Russian Culture of the 20th Century. In: *Mikhail Bakhtin: pro et contra: v 2 tomakh [Mikhail Bakhtin: pro et contra: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Christian Humanitarian Institute Publ., 2002, vol. 2, pp. 33–36. (In Russ.)
7. Gasparov M. L. History of Literature as Creativity and Research: The Case of Bakhtin. In: *Russkaya literatura XX — XXI vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 10–11 noyabrya 2004 goda [Russian Literature of the 20th — 21st Centuries: Problems of Theory and Methodology of Study. Materials of the International Scientific Conference November 10–11, 2004]*. Moscow, Moscow State University Publ., 2004, pp. 8–10. Available at: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=54924> (accessed on March 20, 2022). (In Russ.)
8. Dvoretzkiy I. Kh. *Latinsko-russkiy slovar' [The Latin-Russian Dictionary]*. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1976. 1096 p. (In Russ.)
9. Durov V. S. Genre of the Menippea in the Works of Varro the Satirist. In: *Traditsii i novatorstvo v antichnoy literature: mezhvuzovskiy sbornik: Philologia classica [Traditions and Innovation in Ancient Literature: Interuniversity Collection: Philologia Classica]*. Leningrad, 1982, issue 2, pp. 187–199. (In Russ.)
10. Zavarkina M. V. Genre as a Category of Poetics (Problems, Tendencies, Perspectives). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 7–35. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582887863.pdf (accessed on March 20, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7562 (In Russ.)

11. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo. Tipologiya i poetika* [The System of Genres of Dostoevsky. Typology and Poetics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (In Russ.)
12. Zelyanskaya N. L. Situation of Peeping in Dostoevsky's Novels of 1940s. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Izvestiya of Altai State University. Philology], 2009, no. 2 (62), pp. 105–111. (In Russ.)
13. Kasatkina T. A. *Svyashchennoe v povsednevnom: dvusostavnoy obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [The Sacred in Everyday Life: A Two-Part Image in Dostoevsky's Works]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 528 p.
14. Krinitsyn A. B. On the Specifics of the Visual World and the Semantics of Visions in Dostoevsky's Novel "The Idiot". In: *Krinitsyn A. B. Ispoved' podpol'nogo cheloveka: k antropologii F. M. Dostoevskogo* [Krinitsyn A. B. The Underground Man's Confession: Towards F. M. Dostoevsky's Anthropology]. Moscow, MAKS Press Publ., 2001, pp. 300–335. (In Russ.)
15. Krinitsyn A. B. *Syuzhetologiya romanov F. M. Dostoevskogo* [Structure of the Plot in Dostoevsky's Novels]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017. 456 p. (In Russ.)
16. Kristeva Yu. Bakhtin, Word, Dialogue and Novel. In: *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. Moscow, IG Progress Publ., 2000. pp. 427–457. (In Russ.)
17. Lakhmann R. *Diskursy fantasticheskogo* [Discourses of the Fantastic]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 384 p. (In Russ.)
18. Leskova E. V. The Genre Specificity of Parable and Menippea in Kafka's Novel "The Trial" and Dostoevsky's — "The Brothers Karamazov". In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [The Bulletin of Vyatka State Humanities University], 2015, no. 1, pp. 114–118. (In Russ.)
19. Makhlin V. Menippea. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, Intelvak Publ. 2001, column 525–529. (In Russ.)
20. Meletinskiy E. M. *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [Introduction to the Historical Poetics of the Epic and the Novel]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 320 p. (In Russ.)
21. "Open Structure" in the Context of Interdisciplinarity. Discussion of the Book by N. Avtonomova (Round Table). In: *Voprosy literatury*, 2010, no. 6, pp. 5–42. (In Russ.)
22. Petrovskiy F. Definition of Satura as a Literary Genre. In: *СυμνοΖυή Σύμπόσιον*. Available at: <http://simposium.ru/ru/node/11552> (accessed on March 20, 2022). (In Russ.)
23. Piskunova S. Menippea: Before and After the Novel. In: *Voprosy literatury*, 2012, no. 4, pp. 267–292. (In Russ.)
24. Pomyalovskiy I. V. *Mark Terentsiy Varron Reatinskiy i Menippova satura* [Marcus Terentius Varro Reatinus and Menippe's Satura]. St. Petersburg, Pechatnya V. I. Golovina Publ., 1869. 315 p. (In Russ.)
25. Popova I. "Menippian Satire" as a Term of Bakhtin. In: *Voprosy literatury*, 2007, no. 6, pp. 83–107. (In Russ.)

26. Segal D. Vaginov and Dostoevsky: to the Formulation of the Problem. In: «Zerkalo» — *literaturno-khudozhestvennyy zhurnal* [“Zerkalo” — *Literary and Art Magazine*], 2020, no. 56. Available at: <http://zerkalo-litart.com/?p=12733> (accessed on March 20, 2022). (In Russ.)
27. *Slovar' antichnosti* [The Dictionary of Antiquity]. Moscow, Progress Publ., 1989. 704 p. (In Russ.)
28. Tamarchenko N. D. Bakhtin's Poetics and Modern Reception of His Works. In: *Voprosy literatury*, 2011, no. 1, pp. 291–340. (In Russ.)
29. Tarasov L. D. M. T. Varro Reatinus as a Satirist. In: *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya* [Proceedings of Tomsk State University. Series Philology]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1957, vol. 139: 5th Scientific Conference of Tomsk State University Dedicated to the 350th Anniversary of Tomsk. Section of Literary Studies, pp. 281–315. (In Russ.)
30. Tikhomirov B. N. Who Laughs at a Man Like That? (The Motif of “Ontological Mockery” in the Works of Dostoevsky). In: *Dostoevsky Studies. New Series*, 2013, vol. 17, pp. 73–97. (In Russ.)
31. Shklovskiy V. B. Bowstring: On the Dissimilarity of the Similar. Francois Rabelais and M. Bakhtin's Book. In: *M. M. Bakhtin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M. M. Bakhtina v otsenke russkoy i mirovoy gumanitarnoy mysli: antologiya* [M. M. Bakhtin: Pro et Contra. The Personality and Works of M. M. Bakhtin in the Assessment of Russian and World Humanitarian Thought: Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2001, vol. 1, pp. 413–447. (In Russ.)
32. Shchetinin R. B. Traditions of the Menippea in the Poetics of F. M. Dostoevsky's Novel “The Idiot” as a Reflection of the Antique Picture of the World. In: *Kartina mira: modeli, metody, kontsepty* [The Picture of the World: Models, Methods, Concepts]. Tomsk, 2002, pp. 296–300. (In Russ.)
33. Shchetinin R. B. Menippea Genre Features. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2009, no. 3 (7), pp. 84–93. (In Russ.)
34. Emerson K. Bakhtin at 100 in the English-Speaking World, Through the Eyes of a Translator. In: *Voprosy literatury*, 1996, no. 3, pp. 68–81. (In Russ.)
35. Emerson K. Twenty-Five Years Later: Gasparov on Bakhtin. In: *Voprosy literatury*, 2006, no. 3, pp. 12–47. (In Russ.)
36. Blanchard Scott W. *Scholar's Bedlam: Menippean Satire in the Renaissance*. Lewisburg, Bucknell U. P. Associated University Presses Publ., 1995. 205 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Литинская Евгения Петровна, *Evgeniya P. Litinskaya*, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5901-7187>; e-mail: litgenia@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 01.06.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.06.2022

Принята к публикации / Accepted 24.06.2022

Дата публикации / Date of publication 12.09.2022